

Как показывает наше исследование, особый интерес, представляет взаимодействие между дискурсами языковой личности профессионального политика, реализующиеся, например, во время предвыборных дебатов, где политик одновременно является и речевым субъектом своего собственного личностного политического дискурса и объектом политического дискурса языковой личности своего оппонента. В подобном перекрещивающемся взаимодействии и проявляется, на наш взгляд, синергизм политического дискурса. В дискурсивном пространстве политики также мы выделяем две прагматические позиции, лежащие в основе субъектно-субъектных отношений в политическом дискурсе: первую позицию можно было бы назвать «дискурс-стимул», вторая позиция - «дискурс-реакция (дискурс реагирования).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что специфика политического дискурса в целом и каждого из его сегментов, в частности, проявляется в соотносительности с конкретными коммуникативными событиями в социуме и реакцией на них. Событие приобретает политический характер, выходит на уровень политики, при условии, что оно свидетельствует об актуальных социальных проблемах жизни общества. Политическое событие влияет на формацию дискурсивного пространства политики, в чем проявляется такие его характеристики, как фактологичность и актуальность.

Все компоненты дискурсивного пространства политики как открытой системы посредством взаимодействия работают на то, что политическая коммуникация представляет собой в определенном смысле автономную область речевой деятельности человека. Проведенный анализ позволил нам сделать выводы о том, что политический дискурс – это динамичная система, имеющая открытый гетерогенный характер, что она синергетична по своей природе.

Чемодурова З. М. (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Определяя дискурсивные особенности художественной литературы, многие исследователи отмечают, что в текстовом поле взаимодействуют, перекрещиваются, интегрируются артикуляции различных дискурсов, понимаемых в этом случае как «интегративная совокупность коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» (Чернявская).

Аналогичный вывод о дискурсивной природе художественного текста делает В. А. Андреева, указывая, что «в конкретном тексте можно обнаружить артикуляции не одного, а нескольких дискурсов, иными словами: любой литературно-художественный текст представляет собой *полидискурсивное* образование. Но любой текст может быть проанализирован и с точки зрения артикуляции какого-то одного дискурса, который воспроизводится и усиливается в целом ряде

текстов, что позволяет их объединять в некие множества или дискурсивные формации. В этом случае речь идет об *интердискурсивности* того или иного текста».

В. Е. Чернявская подчеркивает, что художественная литература в целом строится как интердискурс, причем исследователь отмечает, что «в зарубежных оценках концепция вседialogичности текста М. М. Бахтина понятия интертекстуальность и интердискурсивность используются параллельно».

Отметим, что, несмотря на наличие нескольких терминов, описывающих художественный текст как «зону авторских артикуляций различных дискурсов», в частности, предложенный Е. В. Белозеровой термин «дискурсивная гетерогенность» и используемое В. А. Андреевой понятие «полидискурсивное образование», исследователи единодушно в своей оценке художественного текста как пространства взаимодействия, пересечения, интеграции нескольких дискурсов.

Актуальным и не до конца изученным представляется рассмотрение феномена интердискурсивности при формулировании авторами художественных текстов, принадлежащих к так называемой постмодернистской парадигме, и в частности, вопроса о механизмах игрового пересечения и взаимоположения различных дискурсов, способствующих созданию эффекта «срадикального эпистемологического и онтологического сомнения» (Д. Фоккема).

В своей работе по поэтике постмодернизма, получившей широкую известность, Л. Хатчелл комментирует «готовность постмодернизма ставить под сомнение все идеологические позиции и все претензии на окончательную истину», указывая, что «постмодернизм является одновременно академичным и массовым, элитарным и доступным».

Большинство российских исследователей постмодернизма развивают основные положения, сформулированные зарубежными исследователями, описывая такие характеристики поэтики постмодернизма, как 1) появление новых, гибридных литературных форм; 2) цитатно-пародийное дву- и многоязычие, пастишизацию; 3) фрагментарность, коллаж, монтаж, использование готового и расчлененного литературного текста; 4) трагическое снижение классических образов, иронизирование и пародирование; 5) дву- и многоуровневую организацию «двуадресного» текста; 6) приоритет игрового начала в художественном творчестве (Н. В. Кирсева; Н. С. Олишко).

Н. Б. Маньковская в своей фундаментальной работе по эстетике постмодернизма отмечает, что постмодернистский диалог с историей культуры создает своего рода иронический двойной код, усиливающий игровое начало постмодернизма в искусстве.

Таким образом, вполне правомерным является рассмотрение художественных текстов, принадлежащих постмодернистской парадигме, в которой ведущим принципом является «всеобщее смешение и намеренность над всем» (В. Руднев) как зоны пародийно-игровой интеграции и взаимодействия различных дискурсов. Перспективным может быть анализ интердискурсивной природы таких текстов с учетом предложенного В. Е. Чернявской разграничения естественной, спонтанной, то есть коммуникативно обусловленной интердискурсивности так называемой инсценируемой смены дискурса, под которой понимается особая